ТЕНДЕНЦИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НЕ ОТДАДИМ?

Главные проблемы, связанные с ядерным разоружением, имеют политический и военно-стратегический характер. Попробуем посмотреть на ядерное разоружение как на процесс и оценить, во-первых, возможно ли это, во-вторых, соответствует ли этот процесс интересам России. И, в-третьих, какие основные возражения выдвигаются против ядерного разоружения.

Алексей АРБАТОВ,
руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН,
член-корреспондент РАН

www.arbatov.ru

Отчасти ядерное разоружение стало предметом споров чуть ли не теологических. Потому что кто-то верит в ядерное оружие искренне и фанатично, кто-то также искренне и фанатично верит в ядерное разоружение. В этом вопросе есть две стороны: прикладная политическая и доктринально-идеологическая.

По части прикладной. Примерно до 2000 года к идее ядерного разоружения относились как к ритуалу, формально отдавая должное, на самом деле занимаясь вполне прикладными, практическими вопросами, связанными с сокращением и ограничением ядерных вооружений. Конечно, стратегических прежде всего. При этом в переговорах по этому вопросу ядерное разоружение никогда даже не упоминалось.

Велись переговоры о конкретных технических вопросах. Говорили об укреплении стратегической стабильности на основе взаимного сдерживания, взаимного гарантирования уничтожения и т. д., но на пониженных уровнях. Надо констатировать, что уровни неуклонно понижались. Но до каких пор они будут понижаться и приведут ли они к полному ядерному разоружению, практики никогда не говорили. Полагаю, что всерьез даже и не думали. А у политиков и специалистов не было и времени думать об этом.

После 2000 года диалог фактически прекратился. С приходом администрации Джорджа Буша-младшего был принят тезис – вообще зачем заниматься этим делом. Холодной войны больше нет. Мы не враги. Значит, нечего вести эти переговоры. И они по существу не велись. Что выяснилось? За последние восемь лет ядерное разоружение как цель было отброшено, отправлено в утиль, на свалку истории. И мы сейчас должны в спешном, авральном порядке за полгода сочинить новый договор на сложнейшую тему ограничения и сокращения стратегических вооружений на смену СНВ-1, поскольку восемь лет были потеряны зря.

Первый мой тезис следующий. Ядерное разоружение как отдаленная цель требуется для того, чтобы шел процесс, необходимый нам с точки зрения безопасности в прикладном отношении, в плане стратегической стабильности, понижения уровней, экономии затрат и прочего.

Второй тезис состоит в том, что процесс ядерного разоружения неразрывно связан с процессом нераспространения ядерного оружия. Опять-таки схоластические споры на эту тему ведутся уже три десятилетия, будут продолжаться и дальше. Но и здесь практика – убедительный критерий истины. Пример – 90-е годы. Это «золотое» десятилетие для разоружения. Достаточно напомнить: Договор о ракетах средней и малой дальности, СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3, Договор о запрещении ядерных испытаний. Можно вспомнить и другие темы: химия, переговоры о контроле над запрещением бактериологического оружия, Договор об обычных вооружениях в Европе.

Как продвигалось дело в области нераспространения ядерного оружия? За это время к Договору о нераспространении ядерного оружия присоединились 40 стран, в том числе две ядерные – КНР и Франция. Было бессрочное продление в 1995-м этого договора, который ранее каждые пять лет продлевался. Теперь он стал бессрочным.

И наконец, семь стран или были лишены ядерного оружия насильно, или сами отказались от него (или путем переговоров решили этот вопрос). Это Ирак, ЮАР, Украина, Белоруссия, Казахстан, Бразилия и Аргентина. Они отказались от серьезных военных ядерных программ, остановили их фактически, вступили в договор и предоставили все свои материалы и производственные комплексы под контроль МАГАТЭ.

Договор стал универсальным – самым универсальным договором в мире, если не считать хартию ООН. К 1999 году 189 стран стали членами договора. Только три страны стоят вне его – Израиль, Индия и Пакистан.

Затем наступил новый период, в текущем десятилетии переговоров не велось. И налицо развал режима нераспространения ядерного оружия: Иран, Корея, провал конференции по рассмотрению договора 2005 года – ни одно предложение ядерных держав по укреплению режима нераспространения не прошло. И в следующем году предстоит очередная конференция по рассмотрению ДНЯО, которая, в общем-то, может оказаться и последней. Договор может после этого окончательно утратить силу, не дай бог. И если даже после этого договор не уйдет в историю, то можно дать абсолютную гарантию, что ни одно предложение ядерных держав, в том числе России и США, об укреплении режима процесса нераспространения и договора не пройдет, если не будет нового шага в области ядерного разоружения.

Во время холодной войны боялись ядерной войны между великими державами. После ее окончания это главной угрозой не считается. Главной стала угроза распространения. И распространение не только среди государств, но и попадания ядерных материалов или даже боеприпасов в руки международных террористов. Это угроза еще более страшная. Такого рода распространение остановить невозможно.

Есть и доктринально-идеологическая сторона вопроса. Есть почти общепризнанная истина, будто ядерное оружие уберегло мир от третьей мировой войны в течение предыдущих 50 лет. История не знает сослагательного наклонения и доказать, уберегло или не уберегло, невозможно. Здесь немало интересных обстоятельств. Хрущев блефовал нашим ракетным опережением, но потом выяснилось, что никакого опережения-то нет, а американцы начали форсированные программы наращивания стратегических вооружений – «Минитмен», «Поларис». И Советский Союз обнаружил, что блеф сорван. И попытался быстро проблему исправить, разместив ракеты средней дальности, которых у нас было более чем достаточно, на Кубе в пределах досягаемости США.

Самое главное, что после окончания холодной войны ядерное сдерживание, конечно, остается. Оно не ушло вместе с холодной войной, но оно сдерживает те угрозы, которые реально перестали существовать! Трудно представить массированное нападение великих держав друг на друга по каким-либо причинам. Эта угроза, полагаю, практически нереальна.

А против реальных угроз ядерное сдерживание не работает. Не работает против террористов. У них нет территории, нет промышленности, им нечего терять. Ответный удар наносить некуда. Если распространение ядерного оружия будет продолжаться, оно к ним неминуемо попадет.

И, наконец, заключительный момент. Отсутствие процесса поступательного ядерного разоружения подрывает возможность великих держав, прежде всего Китая, России, США, эффективно сотрудничать в борьбе с распространением ядерного оружия. Нацеливая друг на друга тысячи боеголовок, как в случае России и США, трудно говорить о таких совместных мероприятиях, как инициативы по борьбе с распространением, которые предполагают совместные боевые действия против распространителей ядерного оружия или совместную ПРО против третьих держав и стран-изгоев.

Почему у нас это все не получается? Когда мы не продвигаемся по пути ядерного разоружения, трудно говорить о какой-то совместной ПРО. Получается какая-то шизофрения.

Жаль, что эта тема снова вернулась в повестку дня после того, как четыре американских авторитетных деятеля написали об этом статью и всколыхнули американское, а затем и мировое сообщество. Лучше бы мы были инициаторами этого. С новой администрацией эта идея опять набирает силу. Теперь вслед за американцами снова к этой идее возвращаемся.

Расширение НАТО на Восток увеличивает дисбаланс по силам общего назначения. Ядерное оружие мы не можем отдать. Есть опасность гонки космических вооружений, опасность появления оружия на новых физических принципах. Все это надо учитывать.

Если мы не пойдем по пути ядерного разоружения, хоть в одной из этих областей ситуация для нас станет лучше? Убежден – нет, станет гораздо хуже. Ядерное разоружение становится важнейшим рычагом в наших руках для решения и вопросов, перечисленных мной, и многих иных, связанных с ядерным оружием.

Мир, свободный от ядерного оружия, это не современный мир минус ядерное оружие. Это абсолютно другой мир, который совершенно по другим принципам построен, более справедливым, эффективным, более гуманистичным, и по другим принципам управляется. И нельзя, чтобы ядерное сдерживание стало препятствием в продвижении к этому миру.

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

ПЕРВОЕ – ОПРЕДЕЛИТЬ КРУГ ПРОБЛЕМ

Первейший вопрос: что, собственно, подразумевается под понятием «ядерное разоружение»? Видимо, речь должна идти о практическом уничтожении ядерных боеприпасов как оперативно развернутых, так и находящихся на складах. И обязательно надо сказать, что во всей этой проблематике, при любых подходах сквозная тема – тема контроля. О чем бы мы ни говорили, главное и основное – это как проконтролировать то, что мы будем делать.

Николай СПАССКИЙ,
заместитель генерального директора госкорпорации по атомной энергии (ГК «Росатом»)

РИА НОВОСТИ

Первый шаг – уничтожение боеприпасов. После уничтожения ядерных боеприпасов, очевидно, речь должна идти о прекращении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия. И здесь самое болезненное – это уничтожение или конверсия производственных мощностей, связанных со сборкой ядерных боеприпасов. От этого никуда не уйти. Промежуточная черта (пунктирно). Ядерное разоружение – это уничтожение боеприпасов, прекращение производства расщепляющихся материалов, прекращение ядерных испытаний, уничтожение или конверсия соответствующих производственных мощностей по сборке ядерных боеприпасов.

При этом мы имеем дело с очень специфической материей – атомной энергетикой. Она в любом случае предполагает обогащение расщепляющихся материалов и их переработку.

Вот очень схематично набор того, что необходимо было бы делать.

Давайте коротко посмотрим, какие собственно международно-правовые документы будут необходимы для того, чтобы стал возможным процесс, который мы подразумеваем под понятием «ядерное разоружение». Наверное, это серия международных договоров об уничтожении ядерного оружия. Во всей предыдущей серии договоренностей по СНВ (как вступивших в силу, так и невступивших) реально мы никогда не вели речи об уничтожении ядерных боеприпасов. Мы это делали, что называется, по ходу дела, но договоры были не о том. Все договоры были о сокращении боеприпасов и об уничтожении носителей. Новые договоренности поэтому должны принципиально качественно отличаться от предыдущих.

Очевидно, следующий договор, который был бы абсолютно необходим, – договор о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей производства оружия. Он давно уже находится в подвешенном состоянии, об этом много написано. Тема достаточно проработана и складывается впечатление, что проработана фундаментально и основательно. Это не совсем так. Вся концепция строилась на проведении определенной красной линии. Начиная с определенной даты ядерные державы перестают нарабатывать оружейный плутоний и оружейный уран оружейного обогащения. В данной же ситуации речь идет совершенно о другом. Не столько о прекращении, сколько о том, что нужно делать с уже наработанным.

Кроме того, непонятно, к какому из этих международных документов – то ли к документу об уничтожении ядерных боеприпасов, то ли к расширенному и обновленному договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей оружия пристыковать собственно запрещение сборки ядерных боеприпасов и конверсию или уничтожение соответствующих мощностей?

Нельзя не упомянуть еще об одной проблеме, о которой все прекрасно знают. А именно – топливо для подводных лодок. Что с этим делать?

Комплект документов, возможно, мог бы выглядеть следующим образом: семейство документов собственно об уничтожении ядерных боеприпасов, договор о прекращении производства расщепляющихся материалов для целей оружия, договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Таким образом, мы имеем уже три фундаментальных документа или, можно сказать, пакета документов с соответствующими ответвлениями. И кроме этого, как отдельное направление международно-правовой работы, отдельное и по своей природе, и по характеру этой работы я бы упомянул комплекс мер по укреплению договора по нераспространению.

Встанет непременно принципиальный политический вопрос. Сегодня мы реально выступаем против ограничений на передачи чувствительных технологий. Это в полной мере отвечает нашему экспортно-контрольному законодательству и интересам нашей атомной отрасли. Но если мы переходим в режим серьезной практической отработки инициативы всеобщего ядерного разоружения, тогда, конечно, эта позиция требует кардинальной корректировки с точностью до наоборот. Иначе говоря, нам придется выступать за запрет.

Что реально для ядерного разоружения потребуется делать? В частности, разборка ядерных боеприпасов достаточно проста по технологии (да и по финансам не слишком затратна). Здесь самое трудное – проблематика контроля.

Дальше. Ядерные испытания. Здесь, пожалуй, с точки зрения практической подготовки требуется сделать меньше всего, потому что сеть сейсмических станций практически готова: и по всему миру, и в нашей стране. Там речь идет действительно об относительно незначительной доработке. Это достаточно простая вещь.

Дальше – ядерный топливный цикл. Если мы ставим в практической плоскости как юридически обязательное требование отказ соответственно от поставок чувствительных технологий и отказ от приобретения этих технологий, то как удовлетворять потребности развития атомной энергетики? У нас сейчас порядка 435 атомных энергоблоков и мы переживаем атомный ренессанс. По разным подсчетам, в ближайшие десятилетие-полтора можем подойти и к тысяче атомных энергоблоков. Как нам при этом не взорвать международный урановый рынок, как не взорвать рынок по услугам обогащения? А речь идет о десятках миллиардов долларов.

Первый вывод. Если проблемой ядерного разоружения заниматься серьезно, то это действительно очень сложная и очень конкретная проблема. При этом мое глубокое убеждение, что на нынешнем этапе в силу и реальной жизни, и нашей Военной доктрины мы не можем отказаться от опоры на ядерное оружие. Но при всем том, как бы это нам ни было некомфортно сейчас, этой проблемой заниматься нужно. Потому что хотим мы того или нет – эта проблема уже вошла в реальную повестку дня мировой политики.